КЛИКУША.

Весною прибылъ я въ большую графскую вотчину, въ одной изъ сѣверныхъ губерній нашихъ, куда поступилъ я управляющимъ. Надобно сказать, что я дотолѣ крестьянами не управлялъ, кромѣ своего маленькаго имѣнія, на которомъ даже не могъ бы прожить самъ съ семействомъ; но я зналъ и любилъ хозяйство и занимался уже имъ давно, по книжному и наглядно. Я полагалъ, что нѣсколько знаю нашего крестьянина, бытъ, нужды, наклонности и замашки его, а потому и надѣялся сладить съ нимъ и принести нѣкоторую пользу. Словомъ, я съ большимъ усердіемъ и охотой занялся своею новою обязанностію и началъ съ того, что сталъ вникать во всѣ подробности крестьянскаго быта, и въ особенности мѣстнаго, бывшаго до меня, управленія. И вотъ, на первыхъ же порахъ, представился довольно замѣчательный случай для

испытанія моихъ управительскихъ дарованій.

Разсматривая поданные мнѣ изъ конторы списки наличности разнаго рода, я, между прочимъ, остановился на одной довольно странной для меня статьѣ: въ какомъ–то валовомъ спискѣ наличныхъ, тягольныхъ и безтягольныхъ, крестьянъ, бобылей, холостыхъ, престарѣлыхъ, калѣкъ, дряхлыхъ и хворыхъ, самымъ дикимъ и безтолковымъ образомъ перемѣшаны были: коровы, козы, овцы, люди, гуси, индѣйки — по тамошнему *торы*, — и бабы; въ томъ числѣ, между прочимъ, показано отдѣльно: *колдуновъ* 3, *кликушъ* 23. — Пересмотревъ списокъ нѣсколько разъ и убѣдившись, что я не ошибаюсь, что колдуны и кликуши эти, хотя они и поставлены вслѣдъ за гусями и утками, относились не до какой либо извѣстной мнѣ породы домашнихъ животныхъ, а до людей, я велѣлъ позвать старшаго конторщика; дѣло очевидно требовало объясненія.

Что это? спросилъ я, указывая на вторую изъ сомнительныхъ статей. — Кликуши–съ, отвѣчалъ тотъ, посмотрѣвъ напередъ со вниманіемъ и убѣдившись, что тутъ не было никакой описки. — Да это я вижу, но что жь это значитъ, отчего они кликуши, кто пожаловалъ ихъ въ это званіе! — Богъ ихъ знаетъ; колдуны, должно быть; онѣ какъ выкрикиваютъ или выкликаютъ, такъ на нихъ, на колдуновъ, то есть, показываютъ; испорчены, должно быть–съ. — Кто жъ у васъ завелъ порядокъ этотъ, чтобъ были кликуши и давно ли это ведется? — Давно будетъ–съ, чай споконъ–вѣку, и не впамять старикамъ. Безъ этого Божьяго наказанія никакъ нельзя, вотчина большая, сами изволите знать; это вѣдь здѣсь не только что у насъ, а по всему краю, дѣло извѣстное. Туда вонъ къ Шадринску, опять вотъ къ Чардыни, такъ ихъ и невѣсть что. А по описямъ ведутся онѣ, то есть, значатся у насъ для порядка, еще отъ покойнаго графа; и тогда уже были онѣ, кликуши эти, только не много; для этого самаго и приказано было ихъ

переписать; ну, а замѣстъ того онѣ пуще расплодились; такая бѣда, годъ–отъ–году все больше. — На работу ходятъ онѣ у васъ? — Которыя ходятъ, да плохо; какая у обѣдни выкликала, такъ ужъ на недѣлѣ не работница, отдыхаетъ. Что съ ними станешь дѣлать, вонъ, иной такъ и свои старики боятся и старосты; того гляди выкличетъ ихъ по имени, какъ залаетъ по собачьи. — Что это значитъ? Я тебя не понимаю; ты знаешь, я человѣкъ новый: говори толкомъ, все.

Тогда я услышалъ вотъ что. Кликуши оказываютъ порчу и силу свою по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, во время службы, обычно на церковной паперти; какъ только заблаговѣстятъ къ Достойной, а иногда, какъ запоютъ Херувимскую, то одна изъ кликушъ, стоящихъ уже изъ предосторожности у самыхъ дверей въ церкви, или даже снаружи, на паперти, — одна изъ нихъ начинаетъ завывать дикимъ голосомъ или *голготать*, какъ выразился конторщикъ, и ее скорѣе выводятъ. Тутъ она начинаетъ

заливаться всѣми голосами, дразнитъ всѣхъ звѣрей и животныхъ, особенно же кричитъ по свиному, лаетъ и воетъ собакой. Между тѣмъ, другія пристаютъ къ запѣвалѣ подголосками, подкатываютъ очи подъ лобъ, подворачиваютъ *талы*, какъ здѣсь говорятъ; руки и ноги и наконецъ все тѣло начинаетъ корчить и сводить судорогами; бабы мои падаютъ, закидываютъ головы, воютъ и ломаются на всѣ лады, до изнеможенія; ихъ покрываютъ чѣмъ нибудь и оставляютъ въ покоѣ, а пришедъ въ себя, онѣ ничего не помнятъ. Иногда, въ неистовомъ крикѣ своемъ, безотвязно повторяютъ онѣ какое нибудь одно слово, ломая и коверкая его такъ, что надобно догадываться и добираться до него съ трудомъ: смыслъ и таинственное значеніе этого слова составляетъ надолго завлекательную загадку для народа, который считаетъ это пророчествомъ и выводитъ изъ того свои заключенія. Если кликуша выкрикиваетъ такимъ образомъ кого нибудь поименно, чье нибудь имя, то указываетъ этимъ на колдуна, который ее

испортилъ; колдунъ этотъ, слыша такую очевидную улику, и самъ не смѣетъ отпираться отъ вины своей, а либо каится прямо, либо угрюмо молчитъ. Говорить нечего: улика налицо. Этихъ–то кликушъ и указываемыхъ ими колдуновъ, по заведенному изстари обычаю, вносили въ именные списки и показывали, какъ мы видѣли, въ особыхъ графахъ или статьяхъ, рядомъ съ *торами* и *дочьками*, то есть, индѣйками и свиньями.

Во избѣжаніе недоразумѣній, замѣчу здѣсь, что болѣзни кликушъ, въ прямомъ и строгомъ смыслѣ нельзя назвать притворствомъ, но можно, по справедливости, назвать шалью, дурью, которую бабы напускаютъ на себя, глядя на другихъ. Нервическіе и истерическіе припадки бываютъ, если не прилипчивы, то духовно или нравственно заразительны, возбуждая почти невольную переимчивость, поддерживаемую обычаемъ и неизвѣстными отношеніями мѣстности. Сильное нравственное сотрясеніе, особенно кстати приспособленное вліяніе страха, иногда въ

болѣзняхъ этого рода оказываетъ волшебное пособіе; брось одна дурить, и вслѣдъ за нею, по причинѣ той же непостижимой переимчивости, всѣ вдругъ выздоравливаютъ. Само собою разумѣется, что въ подобномъ случаѣ является отчасти и прямое притворство.

Я сталъ освѣдомляться, не лечили ль кликушъ этихъ, и услышалъ, что преждо много лечили, все дѣлали, что люди скажутъ, да ничего не было пользы. Ихъ, сударь, лечить нельзя, сказалъ конторщикъ самоувѣренно, потому что это наслано, по вѣтру пущено, то есть, онѣ испорчены. Бывало за покойнаго графа лекарей привозили изъ города, и много хлопотъ было, и денегъ потратили, а толку нѣтъ. Который дѣло свое знаетъ, такъ самъ отказывается, а другой, несмыслящій, пить даетъ снадобья разныя; ну отъ этого бывало еще хуже станетъ, и бросили. Возили и знахарей издалеча, самыхъ докъ; случалось, что иной отводилъ, да только, не на долго; до новаго мѣсяца только, а тамъ опять тоже. Рѣдко развѣ, когда сама

на колдуна укажетъ, который испортилъ, и на того, который, то есть, можетъ осилить его, такъ поснoруются, да ино и одолѣетъ, который позабористѣе. А то, такъ вотъ они и имѣются у насъ и шатаются; и дома–то у нихъ не споро, хозяйство запущено, да и работу господскую мало какую исправляютъ, по этому и отъ старыхъ господъ еще приказаніе было, чтобъ не трогать ихъ.

— А на богомолье ходятъ? спросилъ я.

— Ходятъ, какъ же, онѣ только этимъ и дышатъ и отъ злой смерти спасаются. Какъ весна вотъ только настанетъ, то и пойдутъ себѣ ватагами со всего околотка, и въ Воронежъ, и въ самый Кіевъ другія ходятъ; а нѣтъ, такъ хоть по здѣшнимъ монастырямъ, къ Сергію Радонежскому, а ино и въ Соловки. Иная воротится, ей словно получше, мѣсяцъ–другой ходитъ словно здоровая, а тамъ опять схватитъ; какъ схватитъ одну, такъ, глядишь, и всѣ закликали.

Всего этого было мнѣ уже достаточно, чтобы сообразить значеніе кликушъ и

подумать о попыткѣ избавиться отъ нихъ: я сталъ однако разузнавать еще подъ рукою о родѣ жизни ихъ и объ отношеніяхъ ихъ къ колдунамъ, коихъ имена онѣ выкрикивали во время этихъ страшныхъ припадковъ. Я вскорѣ убѣдился до очевидности, что отношенія эти были двоякія: либо баба, послѣ какой нибудь ссоры съ мужикомъ, нерѣдко и послѣ злобныхъ и слишкомъ неосторожныхъ угрозъ, за кои, подъ названіемъ: «похвальныхъ словъ», пришлось бы отвѣчать, вдругъ дѣлалась кликушей и выкликала именно того мужика, на котораго зла; либо самъ мужикъ, и въ этомъ случаѣ всегда какой нибудь отчаянный негодяй, пьяница и ославившійся воръ, бралъ на себя званіе колдуна, находя это довольно выгоднымъ въ житейскомъ быту своемъ. Здѣсь званіе колдуна даже почетно, потому что ихъ честятъ, хоть для вида и очень боятся. Такому колдуну всякъ первый шапку сымаетъ, величаетъ его по отчеству, кланяется въ поясъ, угощаетъ и потчуетъ и ублажаетъ; никто не смѣетъ сыграть или

отпировать свадьбу не покланявшись напередъ колдуну–вѣдуну, не обдаривъ его и не получивъ отъ него согласія или одобренія. Такой мужикъ, бывъ до этого въ общемъ презрѣніи и не слышавъ ни отъ кого добраго слова, вдругъ, благодаря глупости и робости прочихъ, входитъ у нихъ въ почетъ, сидитъ на всякомъ пиру на первомъ мѣстѣ, ни передъ кѣмъ не ломаетъ шапки и даже не сымаетъ ее на приводѣ молодыхъ изъ–подъ вѣнца и въ другія торжественныя минуты этого празднества, нарушая самымъ соблазнительнымъ образомъ общее приличіе и пристойность.

Что касается собственно кликушъ, то при осторожномъ и негласномъ разбирательствѣ оказалось, что въ числѣ ихъ не было ни одной путной, работящей хозяйки; всѣ онѣ напередъ уже ославились въ быту своемъ, какъ нехозяйки и какъ неработницы, а затѣмъ ужъ попали въ кликуши. Это до того было всякому извѣстно, что даже сами крестьяне, которые суесвято и слѣпо вѣровали въ кликушъ, перебраниваясь съ плохой

работницей или попрекая дурную хозяйку, не рѣдко говаривали: «она знать скоро въ кликушахъ будетъ.» За всѣмъ тѣмъ, если это черезъ нѣсколько времени сбывалось на дѣлѣ, то всѣ они, не менѣе того, соболѣзновали объ испорченныхъ, догадывались, кѣмъ это наслано, смотрѣли съ какимъ–то подобострастіемъ на всѣ продѣлки порченицы и до того сами забывали о пророчествѣ своемъ, что имъ и въ мысль не приходило ничего, кромѣ прискорбной новости, что такая–то стала выкликать. Коли злая баба дурно жила съ мужемъ, ссорилась съ нимъ и потомъ дѣлалась кликушей, то и самъ мужъ этотъ нелицемѣрно оплакивалъ семейное бѣдствіе свое, сожалѣя объ испорченной и проклиная вѣдуновъ.

Подумавъ объ этомъ дѣлѣ, я и самъ обнаружилъ къ несчастнымъ этимъ одно только состраданіе и жалость, не подавъ никакого вида укоренившагося во мнѣ убѣжденія. Въ первое Воскресеніе я отправился къ обѣднѣ, съ намѣреніемъ посмотрѣть внимательно на кликушъ

нашихъ, не таясь ни отъ кого, что желалъ бы ихъ видѣть въ припадкѣ. Молва объ этомъ разнеслась по селу, и онѣ точно, на первый разъ меня потѣшили; представленіе было одно изъ самыхъ блистательныхъ. Любопытство ли и состраданіе мое ихъ поощрили, хотѣли ль онѣ озадачить и пріучить меня съ самаго начала къ такому заведенному порядку и удержать за собою присвоенныя имъ права и преимущества, даже по конторскимъ описямъ, — не знаю; но онѣ были всѣ на лицо и кудесили въ запуски.

Оставшись спокойнымъ зрителемъ до конца этой продѣлки, я поговорилъ послѣ кротко съ кликушами, сожалѣлъ о несчастномъ положеніи ихъ и обѣщалъ всѣми силами постараться, чтобы оказать имъ пособіе, въ чемъ я тѣмъ болѣе надѣюсь, что графъ далъ мнѣ на это особыя приказанія и самыя подробныя наставленія, какъ и чѣмъ именно пользовать кликушъ. Съ Божіею помощію можете надѣяться, сказалъ я, будьте только во всемъ послушны, покуда вы въ своей памяти; въ

безпамятствѣ же конечно никто въ себѣ не воленъ, и тогда ужъ распорядиться, какъ слѣдуетъ, будетъ мое дѣло. Средство, которое графъ непремѣнно приказалъ мнѣ употребить, прибавилъ я, помогло въ вотчинѣ такого–то барина, въ такомъ–то мѣстѣ, гдѣ было много испорченныхъ и кликушъ; всѣ они, благодаря Бога, теперь здоровы.

На слѣдующій же день я сталъ дѣлать гласныя пріуготовленія для пользованія моихъ больныхъ. Я приказалъ очистить во дворѣ одну половину небольшаго отдѣльнаго строенія, наслалъ въ немъ нары, а къ окнамъ придѣлалъ рѣшетки; къ новой больницѣ этой приставленъ былъ особый цырульникъ и двое сторожей; у крыльца поставлено было два чана, налитые водою; и все это дѣлалось съ большою оглаской и со всѣми возможными околичностями, и между прочимъ бабы наряжаемы были десятками, посмѣнно, для очистки и уборки приготовляемой больницы. Все это было ново въ здѣшнемъ краѣ; распоряженія мои и устройство это съ самаго начала обратили

на себя общее вниманіе, не только всей дворни, но и деревенскихъ крестьянъ, а въ особенности бабъ. Новаго заведенія дичились, но смотрели на него издали съ большимъ любопытствомъ и допытывались изподтишка, что изъ этого будетъ, и какимъ образомъ станутъ лечить кликушъ. Я молчалъ, не подавая виду, что замѣчаю это; ходилъ по временамъ осматривать заведеніе свое и говорилъ только при случаѣ, что графъ очень строго приказалъ мнѣ заботиться объ этихъ несчастныхъ женщинахъ и пользовать ихъ предписаннымъ способомъ, не уклоняясь ни на–волосъ отъ правилъ.

Наконецъ пришла Суббота, и я уже распорядился на канунѣ съ вечера, чтобы всѣ бабы пришли на работу на барскій дворъ. Я приказалъ подъ рукой, чтобы непремѣнно и всѣ кликуши наши были тутъ же на лицо, найдя предлогъ для спѣшной валовой работы и сказавъ, что буду угощать. Роздали ленъ по рукамъ, а я вызывалъ бабъ прясть въ запуски, обѣщавъ лучшимъ пряхамъ подарки, а всѣмъ вообще

угощеніе. Погода стояла прекрасная; бабы мои, разсѣвшись съ веретенами, покрыли собою весь огромный дворъ и сгрудившись тутъ и тамъ кружками, запѣли пѣсни. Старосты и десятскіе расхаживали для надзора, а я отпускалъ на крыльцѣ дома ленъ, принималъ и осматривалъ пряжу и поглядывалъ на заведеніе свое, при которомъ стояли безотлучно цырульникъ со сторожами. Я могъ замѣтитъ, что новость эта привлекала общее вниманіе бабъ, и что въ числѣ шутокъ тутъ и тамъ прорывалась угроза: а вотъ погоди, вотъ возьмутъ тебя лечить въ цырульню.

Въ такомъ положеніи были дѣла, какъ два работника вошли въ ворота и пронесли по всему двору, черезъ бабъ, трехсаженную доску, на коей, по желтому полю, полуаршинными черными буквами прописано было: *больница для кликушъ*. Я отправился вслѣдъ за вывѣскою черезъ весь дворъ, со всѣмъ штабомъ и придворными своими: тамъ цырульникъ со служителями встрѣтили насъ, и вскорѣ вывѣска была поднята и поставлена на свое

мѣсто. Жизнь и говоръ, пробѣгавшіе по бабьему базару, доказывали, что всѣ продѣлки эти возбуждаютъ сильно вниманіе и любопытство гостей моихъ. Я продолжалъ осматривать заведеніе внутри и снаружи, отдавая гласныя приказанія, чтобы цырульнику со служителями въ воскресенье отнюдь никуда не отлучаться, чтобы все по приказанію моему было приготовлено, чтобы на погостѣ стояли двое носилокъ съ ряднами и прочее; затѣмъ, какъ только сдѣлается съ кѣмъ припадокъ, тотчасъ, уложивъ больную на носилки, нести въ новую больницу. Затѣмъ послалъ я цырульника въ барскій дворъ за хранившимся у меня тамъ снарядомъ; онъ вынесъ оттуда, перейдя обратно весь дворъ, среди глазѣющей толпы бабъ, свѣтло вычищенную полутора–аршинную трубу бѣлой жести, снарядъ, употребляемый садовниками въ теплицахъ и при цвѣтникахъ, для окропленія растеній дождемъ, и называемый спрыскомъ. Ни кѣмъ не виданная загадочная вещь эта, заставила всѣхъ бабъ моихъ сложить руки,

разинуть рты проводить глазами торжественное шествіе дивнаго снаряда. Что такое это? что изъ этого будетъ? какія это чудеса?

Я велѣлъ подать воды изъ приготовленныхъ чановъ и испробовать тутъ же въ нѣсколько пріемовъ спасительный снарядъ, изъ котораго толстая струя воды била водометомъ, какъ изъ заливной трубы, подъ самый свѣсъ кровли. Любопытство заставило сперва одну, а тамъ и другую и третію изъ числа пряхъ, привстать и подойти къ намъ поближе, остальныя стали чутко прислушиваться къ разговору и мало по малу тоже приближались. На вопросы старосты, какъ и что приказано будетъ дѣлать, и для чего принесена такая, ни кѣмъ не виданная, вещь, я объяснилъ ему, что по вновь открытому нынѣ и испытанному способу леченія кликушъ, эта штука оказываетъ удивительную помощь, и что это та самая вещь или приборъ, коимъ излечены всѣ испорченныя бабы въ томъ имѣніи, о коемъ я намедни говорилъ. Графъ

нашъ нарочно выписалъ его оттуда. Какъ только появится припадокъ, то надобно тотчасъ употребить въ дѣло двѣ или три полныя трубки холодной воды: этого боится всякая порча пуще всѣхъ наговоровъ; тогда начинаетъ бить ознобъ того колдуна, который наслалъ порчу, а съ кликуши какъ рукой сыметъ. Для этого, по приказанію графа, здѣсь и будетъ всегда на готовѣ цырульникъ со служителями и со всѣми нужными припасами; завтра, дастъ Богъ, какъ въ воскресный и тяжелый для кликушъ день, испытаемъ средство это и узнаемъ помощь его. Тогда, прибавилъ я, скажете спасибо своему доброму барину, графу, который такъ заботится о бѣдствующихъ.

При этомъ объясненіи фельдшеръ мой, продолжая опыты, пустилъ струю вверхъ подъ самую кровлю, упирая спрыскъ въ грудь и налегая на него обѣими руками. Между бабами произошло какое–то общее волненіе. Возгласы ужаса и негодованія сливались съ воплями, взываніями и громкимъ хохотомъ. Недоумѣніе,

изумленіе, страхъ, любопытство и злорадное удовольствіе выказывались тутъ и тамъ въ различной степени, среди окружавшей насъ шумной толпы. Видно было по всему, что никто не ожидалъ такого способа леченія; зная отвращеніе народа отъ подобнаго средства, закоренѣлые предразсудки его о томъ, что считается позоромъ, образъ мыслей и понятія, я не ошибся въ выборѣ. Гласность, торжественность и рѣшительность всѣхъ пріуготовленій, также много способствовали къ усиленію впечатлѣнія. Бабы мои закрывали лицо руками и съ визгомъ спѣшили на свои мѣста, за работу. Всѣ отъ меня разбѣжались; я опять стоялъ у больницы своей одинъ съ цырульникомъ, подъ грозною вывѣскою и отвратительнымъ водострѣльнымъ орудіемъ..... Я стоялъ, какъ комендантъ крѣпости, съ малочисленнымъ, но рѣшительнымъ гарнизомъ, при одинокой пушкѣ...

Я поглядѣлъ искоса на замѣченныхъ мною тутъ и тамъ въ толпѣ кликушъ, не оказывая имъ явно никакого вниманія, и

замѣтилъ, что онѣ были въ какомъ–то тревожномъ смущеніи, не подходили съ прочими для распросовъ, а оставались на своихъ мѣстахъ, косясь исподлобья на веселую, крикливую толпу и распрашивая шопотомъ сосѣдокъ своихъ о томъ, что управляющій говорилъ и что тамъ дѣялось. Окончательно я еще разъ обратился къ бабамъ, взявъ самъ въ руки роковой снарядъ, и сказалъ: бояться тутъ нечего, тетки, и вы не бойтесь и не пугайтесь; вамъ добра желаютъ, а не худа, все это дѣлается къ добру. Двѣ или три трубки этихъ, и всего–то съ небольшимъ полведра воды, тутъ еще, кажись, страшнаго нѣтъ ничего. Графъ пишетъ, что если кликуша очень тяжело испорчена, то дѣлаютъ трубку еще больше этой, одну вполведра... Общій крикъ ужаса заглушилъ слова мои; бабы всполошились пуще прежняго, смѣхъ и горѣ заговорили повсемѣстно громкими, нестройными голосами... Скажите спасибо намъ съ цырульникомъ Осипомъ, продолжалъ я, лекарь не спрашивается у больнаго, а больной спрашивается у лекаря;

а какъ дастъ Богъ здоровье, тогда всякая спасибо скажетъ. Графъ строго приказалъ мнѣ лечить всѣхъ кликушъ по этому способу; больница съ рѣшетками готова, и цырульникъ съ приборомъ, и сторожа съ полотенцами, чтобы осторожно связать и успокоить бѣдную больную, коли очень будетъ биться. Передавъ роковой снарядъ въ больницу и приказавъ еще разъ, чтобы носилки были заутро на погостѣ, я ушелъ домой.

Когда бабы кончили уроки свои, то лучшимъ пряхамъ роздали подарки, всѣхъ накормили и распустили по домамъ. Шумно и весело пестрая толпа пошла со двора; крикъ, визгъ, смѣхъ слышался еще долго, покуда бабы мои не разсыпались всѣ врознь по своимъ избамъ. Весь вечеръ только и было толковъ по деревнѣ, что о неслыханномъ позорѣ, который завтра ожидаетъ бѣдныхъ кликушъ; а когда на утро заблаговѣстили къ обѣднѣ, то все село, и старъ и малъ, спѣшили въ церковь, ожидая съ какимъ–то жаднымъ любопытствомъ развязки этого дѣла.

Ребятишки и дѣвченки съ утра уже толпились за угломъ у барскаго двора, заглядывая украдкой въ ворота и черезъ заборъ, и всматриваясь въ больницу, чтобы видѣть, не дѣется ли тамъ какихъ чудесъ. На всякій случай я принялъ мѣры, чтобы кликуши мои всѣ, сколько ихъ состояло по списку, были въ церкви; самъ я отправился туда же; на погостѣ стояла уже пара носилокъ съ рабочими.

Подивитесь же моему дивному снадобью и неслыханному симпатическому дѣйствію его: вся обѣдня кончилась спокойно и благополучно, и ни съ одной кликушей не было припадка. Народъ, какъ будто сталъ догадываться, что дѣло это не совсѣмъ чисто, и общая молва начала клониться противъ кликушъ и на пользу моего снадобья. Нѣсколько воскресныхъ и праздничныхъ дней сряду продолжалъ я еще принимать тѣжѣ мѣры предосторожности, безъ шуму, безъ упрековъ, безъ угрозъ, даже безъ всякихъ излишнихъ разсужденій, предоставляя крестьянамъ самимъ догадываться о

причинѣ скромности кликушъ нашихъ и дѣлать какія угодно заключенія; я поддерживалъ съ осторожностію мнѣніе, что вѣроятно колдуны убоялись трясучаго озноба, который бы долженъ одолѣть ихъ отъ припасеннаго на кликушъ снадобья, и поспѣшили снять порчу. И въ слѣдующіе затѣмъ воскресные дни все прошло равно спокойно — вотъ каково удачно пріисканное лекарство! Съ этого времени кликуши перевелись у насъ, во всемъ имѣніи графа, перевелись на все время моего пребыванія и болѣе ихъ не появлялось тамъ ни одной. Бабы сами не могли надивиться моему знахарству.

Ко всему этому остается прибавить только одно: то, что я теперь разсказывалъ, не сказка, а быль. Я бы очень желалъ, чтобы средство это было испытано другими.